

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ УДАРНЫХ ГЛАСНЫХ В ФИННО-УГОРСКИХ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМАХ РУССКОГО СЕВЕРА

В настоящей статье рассматриваются вопросы об отражении в субстратной топонимике Севера фонетических явлений, характерных для древнерусского языка старейшей эпохи, и вопрос о происхождении *ы* в субстратных топонимах.

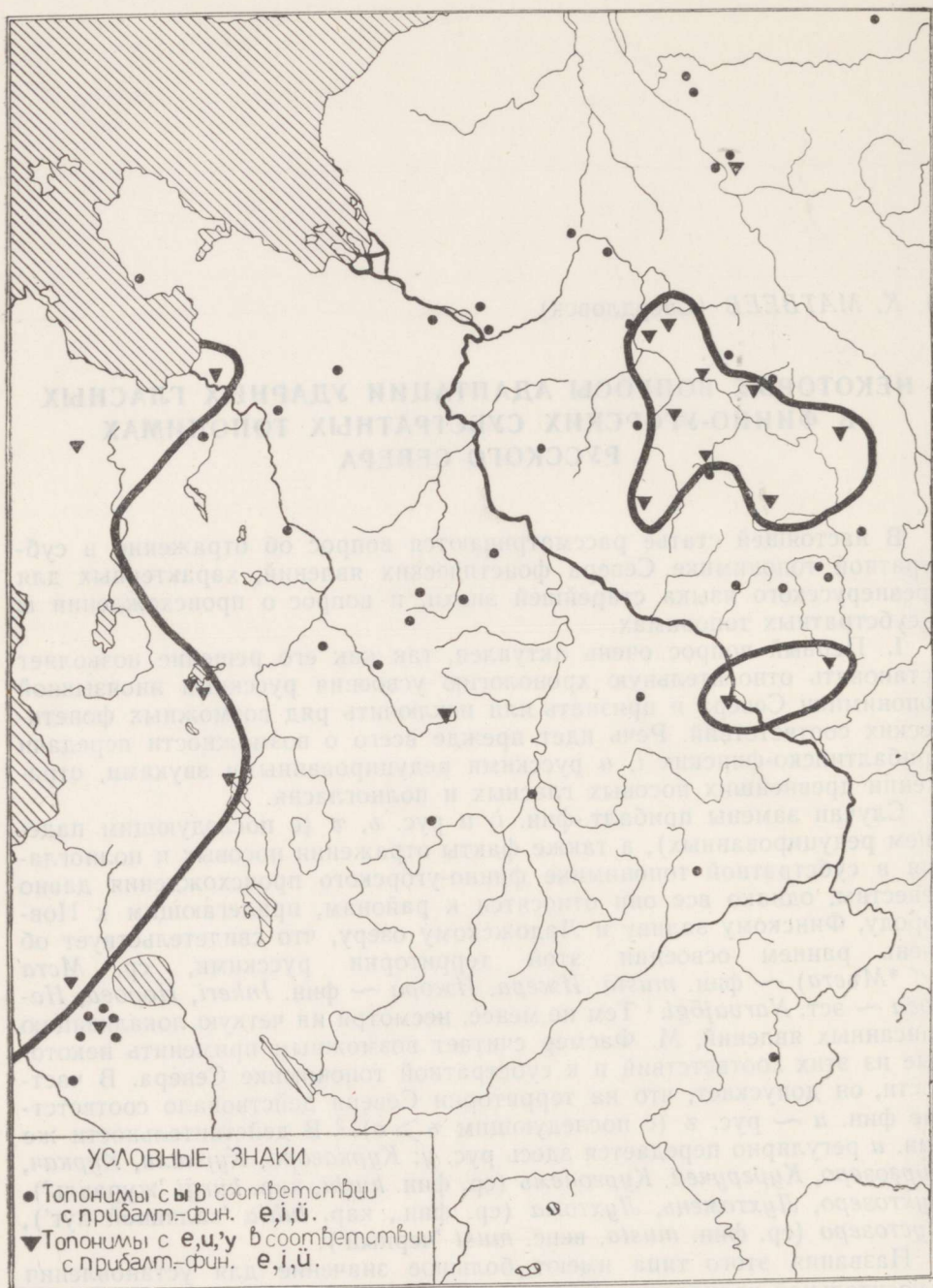
I. Первый вопрос очень актуален, так как его решение позволяет установить относительную хронологию усвоения русскими иноязычной топонимике Севера и признать или исключить ряд возможных фонетических соответствий. Речь идет прежде всего о возможности передачи прибалтийско-финских *i*, *u* русскими редуцированными звуками, отражении древнейших носовых гласных и полногласия.

Случаи замены прибалт.-фин. *i*, *u* рус. *ь*, *ѣ* (с последующим падением редуцированных), а также факты отражения носовых и полногласия в субстратной топонимике финно-угорского происхождения давно известны, однако все они относятся к районам, прилегающим к Новгороду, Финскому заливу и Ладожскому озеру, что свидетельствует об очень раннем освоении этой территории русскими, ср. *Мста* (< **Мъста*) ~ фин. *musta*, *Ижера*, *Ижора* ~ фин. *Inkeri*, *Норова*, *Нарова* ~ эст. *Narva jõgi*.¹ Тем не менее, несмотря на четкую локализацию описанных явлений, М. Фасмер считает возможным применить некоторые из этих соответствий и к субстратной топонимике Севера. В частности, он допускает, что на территории Севера действовало соответствие фин. *u* ~ рус. *ѣ* (с последующим *ѣ > о*).² В действительности же фин. *u* регулярно передается здесь рус. *у*: *Куркагора*, *Куркала*, *Куркач*, *Кургозеро*, *Кургручей*, *Кургонемь* (ср. фин. *kurki*, кар. *kurgi* 'журавль'), *Лухтозеро*, *Лухтомень*, *Лухтома* (ср. фин., кар. *luhta* 'заливной луг'), *Мустозеро* (ср. фин. *musta*, вепс. *must* 'черный').

Названия этого типа имеют большое значение для установления относительной хронологии. Если на территорию современных Новгородской и Ленинградской областей русские пришли еще до падения редуцированных (*Мста* < **Мъста*, ср. фин. *musta*), то на территории Севера

¹ В. Эрнитс, О значении топонимике для определения хронологии славянско-финно-угорских языковых контактов. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению (тезисы докладов и сообщений). Июнь 1965 г., Сыктывкар 1965, стр. 129.

² M. V a s m e r, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse XVIII, Berlin 1934, стр. 381—383, 386.



сни закрепились в то время, когда фин. *u* воспринимался уже как рус. *y*. В абсолютной хронологии здесь соответственно надо говорить о времени до X—XI веков для *Мста* и после XI—XII веков для *Муст-озеро*. Все это хорошо соответствует историческим сведениям о времени заселения Севера русскими. С другой стороны, если бы в топонимике Севера было отражено падение редуцированных, то в субстратных топонимах были бы обнаружены достаточно разнообразные начальные группы согласных, однако этого нет. Разумеется, можно представить

положение дел таким образом, что на Севере при обычном ударе в субстратных словах на первом слоге редуцированный первого слога всегда оказывается в сильном положении ($u > \bar{u} > o$), поэтому консонантные группы в анлауте не возникали, однако на Севере нет ни одного доказанного случая $u > \bar{u} > o$, так как построения типа фин. *luhta* $> *l\bar{u}hta > lohta$ легко опровергаются при сравнении фин. *lahti* и рус. *лахта*, *лохта*.³ Фин. *u* в *luhta* как в топонимике, так и в апеллятивной лексике (рус. *лухта* 'заливной луг') передается только рус. *y*.

Основываясь на фонетических критериях такого рода, полногласным считают топоним *Вологда*, сопоставляя его с фин. *valkea*, вепс. *vāüged*⁴ 'белый'. Однако этот пример единичен, причем в *Вологда*, может быть, следует выделить суффикс *-ода* (ср. гидронимы *Вычегда* и *Керегда*): Почти ничего не дают примеры *Соломбала*⁵ (в настоящее время часть Архангельска), *Соломщелья* (ср. фин., кар. (ливв.) *salmi*, кар. (люд.) *salmi*, эст. *salm* 'пролив'), так как в субстратных топонимах засвидетельствованы и основы *Салм-*, *Солм-* (*Салмозеро*, *Солмас*); кроме того, в обоих топонимах с основой *Солом-* могли произойти комбинаторные изменения. В то же время можно привести множество примеров, свидетельствующих о том, что полногласие на Севере уже не было живым процессом: *Варбач*, *Варбмох*, *Варбозеро*, *Варбручей* (ср. фин. *varpa*, кар. *varba* 'прут'), *Верковжа*, *Веркозеро*, *Веркола*, *Веркручей* (ср. фин., кар. *verkko*, вепс. *verk* 'сеть'), *Каргала*, *Каргач*, *Каргова*, *Каргой*, *Каргонема*, *Каргозеро*, *Каргополь*, *Каргоручей*, *Каргоя* (ср. фин., кар. (ливв. фольк.) *karhu* 'медведь'), *Халмозеро* (ср. фин. *halme* 'возделанная пожога') и т. п.

Нет на Севере и следов существования носовых гласных, так как здесь в изобилии представлены сочетания типа $V + n$ между согласными: *Канза*, *Канзапелда*, *Канзов*, *Канозеро*, *Каньзело* (ср. фин. *kansa* 'народ, люди', вепс. *kanz* 'семья', кар. (ливв.) *kanzu* 'семья, группа людей'), *Линдогора*, *Линдозеро* (ср. фин. *lintu*, кар. *lindu*, вепс. *lind* 'птица'), *Меньдюга*, *Мяндова*, *Мяндозеро*, *Мяндручей* (ср. фин. *mänty*, кар. *mändü*, эст. *mänd* 'сосна'), *Мондра* (ср. фин. *mantere*, *mantera*, кар., эст. *mander* 'материк', кар. (люд.) *mander* 'земля, которую через определенное время делили между крестьянами') и т. п.

Все рассмотренные факты совершенно ясно указывают на то, что в период колонизации Севера в русском языке новгородцев не было ни редуцированных, ни носовых гласных, очень сомнительно и наличие полногласия как живого процесса.

Топонимические факты свидетельствуют о том, что усвоение субстратной топонимике русским языком началось не ранее XII века.

II. Второй из рассматриваемых вопросов очень сложен. Заметим прежде всего, что прибалт.-фин. *i* обычно соответствует рус. *и*⁶, исключения из этого правила редки и ненадежны.⁷ При передаче современной финской и карельской топонимике средствами русской графики *ы*

³ См. А. К. Матвеев, Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике Русского Севера. — СФУ IV 1968, стр. 121—126.

⁴ J. J. Mikkola, Finisch-slavische Beziehungen I—5. — FUF II 1902, стр. 75—76.

⁵ Я. Калима приводит полногласные апеллятивы *соломья* и *коломище* (J. Kalima, Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen (= MSFOu XLIV), Helsinki 1919, стр. 54), но они скорее всего возникли за пределами региона. Слово *салма* 'пролив' известно только на крайнем западе исследуемой территории, тогда как на большей части региона в этом значении употребляется *челма* (< саам.), а *коломище* упоминается в документе, относящемся к Вотской пятине (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка I, Санктпетербург 1893, стр. 1258).

⁶ J. Kalima, указ. раб., стр. 50.

⁷ Там же, стр. 51.

тоже не используется.⁸ Между тем в субстратной топонимике Севера этот звук в безударном положении встречается довольно часто, причем именно в тех топонимах, которые могут быть интерпретированы на прибалтийско-финской почве: *Вынохлошта*, *Вынохма* (ср. кар. (ливв., люд.), вепс. *veneh* 'лодка'), *Выргой*, *Выргозеро*, *Выргуй* (ср. вепс. *verk*, эст. *võrk* (род. *võrgi*), лив. *veřgã* 'сеть'), *Кысковер*, *Кыскозеро*, *Кыскуя* (ср. фин., кар. (ливв.) *keski*, вепс., эст. *kesk* 'средний'), *Лындевера*, *Лынгора* (< **Лындогора*), *Лындога*, *Лындранский* (< **Лындранда*), *Лындуй*, *Лындыги* (ср. фин. *lintu*, кар. (люд.), вепс. *lind* 'птица'), *Тырвица*, *Тырвуя* (ср. фин., кар. *terva*, вепс. *terv*, эст. *tõrv* 'смола, деготь').

В свое время Т. В. Марадулина, изучая вопрос об отражении сингармонизма в субстратных топонимах, высказала осторожное предположение о том, что в исконной топонимике Севера существовал звук *i*, который передавался рус. *ы*.⁹ Проведенные нами этимологический анализ и картографирование топонимов подтвердили это предположение, однако картина оказалась более сложной, поскольку рус. *ы* в субстратных топонимах соответствуют как отодвинутые назад прибалт. фин. **i* и **e*, так и прибалт.-фин. *ii*.

1. О существовании в древней прибалтийско-финской речи особых звуков **i* и **e*, отличных от **i* и **e*, известно достаточно хорошо.¹⁰ Изучение субстратных топонимов Севера показывает, что они отражают два различных состояния одного и того же слова: фин. *terva*, эст. *tõrv* 'смола; деготь' (ср. *Тервич*, но *Тырвуя*, *Тырвица*, а также *Тырбуй*, *Тырбус*), фин. *verkko*, эст. *võrk* (род. *võrgu*) 'сеть' (ср. *Верковжа*, *Веркозеро*, *Веркола*, *Веркручей*, но *Выргой*, *Выргозеро*, *Выргуй*), фин. *lintu*, эс. (диал.) *lind*¹¹ 'птица' (ср. *Линдгора*, *Линдогора*, *Линдозеро*, но *Лындевера*, *Лындога*, *Лындуй*) и т. п. Кроме того, различные рефлексy обнаруживаются и в некоторых из тех слов, фонетическая структура которых не позволяет установить, с **i*, **e* или **i*, **e* мы имеем дело: фин. *risti*, эст. *rist* 'крест' (ср. *Ристеменя*, но *Рыстов*, *Рыстозеро*, *Рыстог*), фин., эст. *vene*, вепс. *veñeh* 'лодка' (ср. *Венегора*, *Венеручей*, но *Вынохлошта*, *Вынохма*), фин. *keski*, эст. *kesk* 'средний' (ср. *Кыскозеро*, *Кыскуя*).

Картографирование соответствующих топонимов показало (см. карту), что поздние формы с *e*, *и*, как и следовало ожидать, характеризуют крайний запад региона, а также образуют несколько вкраплений в общую массу названий с *ы*.

Учитывая все эти данные, можно допустить, что в субстратной топонимике Севера сохранились рефлексy древних прибалт.-фин. **i* и **e* или каких-то звуков среднего ряда типа саам. *i*, *e*, *ë*.¹² Может быть, на отражение *e* в русском языке в виде *ы* указывает и апеллятивное заимствование *мыльца* 'рукоять весла' (~ фин. *mela*, эст. *mõla* то же), хотя Я. Калима считает эту этимологию слишком смелой.¹³ Что ка-

⁸ См. примеры в работах: С. В. Григорьев, Г. Л. Грицевская, Каталог озер Карелии, Москва—Ленинград 1959; С. В. Григорьев, Каталог рек Карелии. Рукопись отдела гидрологии и водного хозяйства Карельского филиала АН СССР.

⁹ Т. В. Марадулина, Рефлексy сингармонизма в севернорусской субстратной топонимике. — Вопросы топониматики, вып. 2, Свердловск 1965, стр. 12.

¹⁰ Д. В. Бубрих, Историческая фонетика финского-суоми языка, Петрозаводск 1948, стр. 20—21; П. А. Аристе, Примечания. — Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I, Москва 1953, стр. 293.

¹¹ П. А. Аристе, указ. раб.

¹² Ср. также рус. *Вымь*, *Вычегда* и коми-зыр. *Емва*, *Эжва*. Перед *ы* на русской почве развился протетический звук *в* (*Вымь* = **et* ~ **it* 'река?').

¹³ J. Kalima, указ. раб., стр. 169.

сается самой субституции звуков типа *i, e, i, e, e* русским *ы*, то она закономерна, так как рус. *ы* — звук среднего ряда.

2. В некоторых топонимах *ы* соответствует прибалт.-фин. *ü*: фин. *kułmä* 'холодный' (ср. *Кюльма*, но *Кыльма*, *Кылмова*, *Кыльмова*), кар. *tügrä* 'крот' (ср. *Мыгра*), фин. *syvä* 'глубокий' (ср. *Сывозеро*, *Сыво-оя*¹⁴), фин. *syjä* 'сторона, край' (ср. *Сюра*, *Сюрева*, *Сюрега*, *Сюрей*, *Сюрий*, *Сюрнем*, *Сурой*, *Сюраоя*, но *Сырнема*, *Сырова*, *Сырья*).

Картографирование основ дает такую же картину, что и в первом случае, т. е. зоны распространения *ы ~ i, e, i, e, e* и *ы ~ ü* совпадают.

Таким образом, прибалт.-фин. *ü* в большинстве случаев соответствует *ы*, но иногда *'у*. Замена прибалт.-фин. *ü ~ рус. 'у* обычна¹⁵, сложнее объяснить соответствие прибалт.-фин. *ü ~ рус. ы*. Случаи передачи фин. *ü* рус. *и*, отмеченные З. М. Дубровиной в прибалтийско-финской топонимике Ленинградской области (*Кильмуя ~ фин. kułmä*, *Сагомилъе ~ фин. Sahamyly*, где *tylly* 'мельница', *Илики ~ фин. Ylikylä* 'верхняя деревня'¹⁶), свидетельствуют о том, что нетипичный для русского языка прибалт.-фин. *ü* передается разными путями.¹⁷ Соответствие прибалт.-фин. *ü ~ рус. и* в начальном положении хорошо подтверждает основа *ил-* (*Илозеро*, *Илокса* и т. п.), соотносимая с фин. *ylä* 'верхний'.

Очень важное свидетельство содержится в пинежской писцовой книге 1686 г. (стр. 165)¹⁸, где приводится древняя форма гидронима *Сюрей* (бассейн Юлы) в форме *Сырвей*. Заимствованный русскими этноним *Зырянин* (*Сырянин*)¹⁹, сопоставляемый с фин. *syjä* 'край', *syjäinen* 'отдаленный', также свидетельствует о том, что первоначально прибалт.-фин. *ü* соответствовало рус. *ы*.

Таким образом, сам по себе факт соответствия прибалт.-фин. *ü ~ рус. ы* не должен удивлять. Трудность состоит в том, чтобы найти объяснение фиксации *ы* вместо ожидаемого *и*. Одна из более или менее убедительных трактовок состоит в том, что рус. *ы* артикуляционно было ближе к фин. *ü*, чем к рус. *и*. В связи с этим нельзя не вспомнить, что ряд ученых считает праславянский *ǔ* и древнерусский *ы* лабиализованными звуками.²⁰ Так как фин. *ü* также лабиализовано, оно артикуляционно могло быть ближе к *ы*²¹, чем к *и*. Твердость предшествующих начальных согласных в языке-источнике также могла способствовать этой субституции. Остается предположить, что в древности прибалт.-фин. *ü* передавалось рус. *ы* (примерно до XVII века)²², а затем *'у*

¹⁴ Восстанавливают **siva < *tiva* (Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка II, Москва 1953, стр. 146).

¹⁵ J. Kalima, указ. раб., стр. 32.

¹⁶ З. М. Дубровина, Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области. — Вопросы финно-угорской филологии, вып. 2 (= Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, № 335. Серия филологических наук, вып. 71), Ленинград 1969, стр. 85.

¹⁷ Ср. еще рус. *Кинжа ~ кар. kiiñzi* 'гвоздь' (J. Kalima, указ. раб., стр. 54).

¹⁸ Г. Я. Симина, Микротопонимия бассейна Юлы. — Изучение географических названий (= Вопросы географии, № 70), Москва 1966, стр. 154.

¹⁹ См. об этом слове: М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка II, Москва 1967, стр. 109—110; А. И. Попов, Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений. — ALHung, V 1955, стр. 5—6.

²⁰ Об этом см.: С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, Москва 1961, стр. 176—177; В. В. Иванов, Историческая фонология русского языка, Москва 1968, стр. 59.

²¹ Характерна замена рус. *ы* в кар. *tuilla* 'мыло' и *vuitfi* 'вуть' (J. J. Mikkola, Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch (= MSFOu LXXV), Helsinki 1938, стр. 32). Ср. еще *Выгозеро* (р. *Выг*) и фин. *Uikujärvi*.

²² Но ср. *ил-* в начальном положении (*Илозеро*, *Илокса* и т. п.) при фин. *ylä* 'верхний'.

(или *u*), при этом зона прибалт.-фин. *ü* ~ рус. *ы* (как и **i̇*, **ė* ~ *ы*) будет указывать на сравнительно рано ассимилированные прибалтийско-финские наречия.

В целом картина генезиса *ы* в русской топонимике Севера представляется очень сложной. Последующие разыскания покажут, насколько воспроизведенная схема соответствует истине, но уже сейчас ясно, что при этимологизации надо тщательно учитывать возможность сопоставления *ы* с прибалт.-фин. *i̇*, *ė*, *ü*, а также с саамскими гласными среднего ряда *i̇*, *ė*, *ė*.

Заметим еще, что в таких случаях, как *кылм-* (*кыльм-*) ~ *kylmä*, *кыск-* ~ *keski* (ср. еще *Кыма* ~ фин. *kyti* '(большая) река') вполне могло законсервироваться древнее состояние, т. е. *кы-*, которое в севернорусских говорах, по мнению А. А. Шахматова, сохранялось до XIII—XIV веков²³, но против этого часто встречающееся инициальное *ки-* (*Кимболото*, *Кимпавна* и т. п.), совершенно затемняющее картину.

²³ А. А. Шахматов, Исследования о языке Новгородских грамот XIII—XIV вв., Санктпетербург 1886, стр. 169.

А. К. MATVEJEV (Sverdlovsk)

CONCERNING SOME PROBLEMS OF ADAPTATION OF STRESSED VOWELS IN THE FENNO-UGRIC SUBSTRATAL TOPONYMY OF NORTHERN RUSSIA

The first part of the paper is devoted to an exposition of some arguments proving that in the substratal toponymy of Northern Russia such phenomena as reduced and nasal vowels as well as pleophony are not reflected.

In the second part of the paper the problem of the origin of *ы* is discussed. The conclusion is that this sound can be traced back to the Balto-Fennic **i̇*, **ė* (as well as *ü*) or to the Lapp *i̇*, *ė*, *ė*.